

Русская языковая картина мира: миф или реальность?

*функциональная семантика, функции языка, язык и культура,
лингвокультурология*

В современном русском языкознании широкое распространение получило конструктивистское направление, согласно которому каждое сообщество в процессе жизнедеятельности формирует специфический тезаурус, т.е. систему понятий и представлений о действительности, которая отражается в системе языковых знаков и способах их речевой конфигурации. Исследователи исходят из предпосылки, что языковая система обусловлена внешними обстоятельствами ее функционирования. В силу данной детерминированности принимается тезис о возможности *реконструкции* культурного тезауруса (иногда говорят о культурном коде) посредством анализа языкового материала. Полученные в результате такого (направленного и «заинтересованного») анализа данные интерпретируются с точки зрения культурных детерминант. «С позиций лингвокультурологии, когнитивной науки, теории коммуникации и общего гуманитарного знания язык представляет собой один из возможных способов фиксации и передачи человеческого опыта {...}», – пишет В.И.Карасик [2009: 13], часто цитируемый русский лингвист, сторонник «открытого языкознания». В русской (а также, например, в польской) лингвистике в связи с этим широко культивируется понятие *языковой картины мира*, т.е. образа действительности (включая так называемую «вторую действительность», созданную человеком, а также действительность социальных отношений, психических состояний и др.), который может быть реконструирован на основании лингвистических данных.

Языковая картина мира, как она представлена в современных лингвистических исследованиях, опирается преимущественно на лексический материал. Э.Сепир в знаменитой статье 1912 года «Язык и среда» писал: «Полный словарь того или иного языка не без оснований можно рассматривать как комплексный инвентарь всех идей, интересов и занятий, привлекающих внимание данного общества» [Сепир 1993: 272]. В то же время выдающийся американский лингвист утверждал, что наблюдения над фонологией, морфологией и синтаксисом не дают оснований для утверждения о зависимости языка от среды его функционирования. С одной стороны, имеются сходства фонетических систем в языках, которые отдалены друг от друга; с другой стороны, существуют «примеры фонетических различий между языками, на которых говорят на смежных территориях при одинаковых или очень сходных условиях и при одном и том же типе культуры» [Сепир 1993: 277]. То же касается морфологических и синтаксических сходств и различий. Хотя Сепир считается одним из авторитетов в области лингвокультурологии и этнолингвистики, а Карасик приводит цитату из его публикации в качестве эпиграфа к своей монографии («Язык приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры»), в действительности Сепир был одним из радикальных критиков антропологической лингвистики, на что указывают его высказывание: «Кроме отражения реалий среды в словаре, в самом языке не существует ничего такого, что можно было бы поставить в зависимость от этих реалий» [Сепир 1993: 281]. Попытки интерпретировать на основании грамматических данных духовную и материальную культуру, а также групповую психологию носителей языка Сепир оценивал как «полет фантазии» [там же].

В связи с этим в работе [Kiklewicz 2016: 81] было введено понятия *фактовой обусловленности* в области лингвокультурных отношений. Речь идет о таком типе корреляции явлений культуры и явлений языка, который сводится к *конкуренции* – в

этом случае культурная действительность (социальное сознание, система ценностей, нормы социального поведения, система институтов и программ коммуникации) представляет собой сцену языковой деятельности. Ни о какой содержательной детерминированности одних явлений другими здесь говорить нельзя. Примером фактовой детерминации может быть стилистически маркированная лексика: весной 2014 года в средствах массовой информации можно было прочитать о действиях сепаратистов в Украине. Так, в статье «Российский спецназ в Краматорске: „За поребрик отойди!“» на сайте <http://uk-ranews.com/ru/news/ukraine/2014/04/13/120123> (13 IV 2014) сообщалось, что в Краматорске во время захвата горотдела МВД действовали вооруженные представители Российской Федерации. Это следует из видео, на котором слышен разговор захватчиков. Вооруженные люди просят собравшихся отойти подальше: *За поребрик отойди!* Существительное *поребрик* ‘бордюр’ не употребляется в Украине, это — характерное петербургское слово. Факт употребления слова *поребрик* однозначно указывает на российское и, более того, петербургское происхождение говорящего, хотя при этом нельзя дать культурологического объяснения, почему в Москве бытует слово *бордюр*, а в Петербурге — слово *поребрик*. Культурная обусловленность лексического состава отдельных социолектов в значительной степени является фактовой, т.е. основанной — исключительно — на коокуренции.

Подобным образом нельзя реконструировать элементы русского национального менталитета на основании фактов морфологии или синтаксиса современного русского языка. В этнолингвистической литературе распространено, в частности, утверждение, что безличные конструкции в русском языке являются свидетельством специфического менталитета и национального характера русских, а именно — их фатализма и иррациональности. Однако лингвистический анализ, как показал Е.В.Зарецкий, не дает никаких оснований для признания этого тезиса; по словам ученого, «пациентивность русского имперсонала компенсируется пациентивностью английского и немецкого пассива» [Зарецкий 2008: 423], а кроме того в западноевропейских языках распространены безличные конструкции, не характерные для русского, ср. нем. *Es geht mir gut*. По данным Зарецкого, к употреблению имперсонала более склонны женщины, чем мужчины. Из этого, по мнению ученого, должен был бы следовать вывод, что характерные для обоих полов стили мышления непосредственно проявляются в языковой системе. «Такое предположение, — читаем мы у Зарецкого, — однако, едва ли приемлемо, так как в наиболее фемининных культурах (Дания, Норвегия, Швеция) имперсоналом практически не пользуются» [Зарецкий 2008: 481].

Реконструкция языковой картины мира с опорой на лексический материал возможна благодаря экстенциональным и интенциональным суппозициям, т.е. предположениям о том, что соответствующие имени референты и концепты имеются во внешней действительности, а прежде всего — в сознании индивидов. Поэтому каждый лексический знак должен рассматриваться как свидетельство того, что говорящие на данном языке имеют дело с его денотатами. Например, встречаемое в русских говорах фразеологическое выражение *хоронить по-репному* в значении ‘временно хоронить не по-настоящему того, кто умер не по-настоящему’ [Бунчук 2010: 186] указывает на факт, что репа (как базовый когнитивный домен) представляет естественный элемент быта носителей говора, во всяком случае это справедливо по отношению к моменту возникновения данного знака.

С.Г.Тер-Минасова считает, что «выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины. (...) С новым иностранным словом учащийся как бы транспонирует в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, из другой культуры» [Тер-Минасова 2004: 57]. Проблема, однако, не может быть упрощена. Во-первых, общее представление о репрезен-

тации культурного знания в лексической системе языка не раскрывает механизма отдельных, частных интерпретаций. К примеру, какую информацию о русском национальном характере получит иностранец, который узнает слово *ветошь* 'ветхое, изношенное платье, тряпье'?

Во-вторых, нерепрезентативной оказывается и большая часть этимологической и исторической информации. Хотя в русском языке существительное *полотенце* происходит от *полотна*, а в белорусском языке соответствующее существительное *рушнік* — от *руки*, это различие трудно интерпретировать с точки зрения национального характера, образа и условий жизни. К тому же надо помнить, что значительное число лексем в каждом языке имеет заимствованный характер, поэтому культурная специфичность номинативного фонда является весьма относительной.

В-третьих, каждый лексический знак является относительно недетерминированным: часть перерабатываемой в создании носителей языка информации находится вне языковой компетенции. Поэтому для интерпретации многих элементов семантики слова необходима инференция. Например, Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров [1980: 25ссл.] ввели понятие лексического фона, т.е. непонятных, коннотативных элементов лексического значения, которые не отражены в форме и структуре знака. Хотя коннотативная информация (например, о том, что англ. *washbasin* называет раковину, в которую напускается вода для умывания, тогда как русский *умывальник* употребляется совершенно иначе) бывает существенной для типа поведения представителей данного культурного сообщества, однако она не отражена ни в форме, ни в структуре знака. Значит, концепты, которые связаны с данной информацией, не могут описываться лингвистическими средствами. Верещагин и Костомаров в связи с этим пишут: «Прямо наблюдаемые факты заставляют отказаться от суждения о фиксации знаний в предложениях, в целых текстах как несостоятельного. <...> Текст имеет только коммуникативное значение, и по прочтении источника переданные знания получают отдельное от него, самостоятельное существование» [Верещагин 1980: 61].

Например, Лев Рубинштейн на сайте «Грыни.ру» (<http://grani.ru/Culture/essay/rubinstein/m.232039.html>) пишет о характерном для современной российской обыденной коммуникации слове *бабло*. «Это не то, что зарабатывают, копят, вкладывают в экономику, образование или здоровье. Бабло — это то, что отжимают, откатывают, заносят, наваривают, отмывают и прокручивают». Публицист пишет о данном знаке как о характерном элементе современного «русского мира», однако следует заметить, что самого слова для глобальных культурологических и политических интерпретаций недостаточно: ни в значении слова, ни в его коллокациях не отражена — в полном объеме — характерная для граждан сегодняшней России концептуализация явления. При этом надо иметь в виду и такой фактор, как расслоение общества — об этом, в частности, пишет А.В.Павлова [Павлова 2012: 12].

В-четвертых, значимость тех или иных денотатов может проявляться в высокой частоте употребления слова. Хотя частотный словарь может быть ключом к пониманию некоторых фактов культуры, однако употребление слов регулируется многими другими факторами, о чем пишет Е.В.Зарецкий: по его мнению, нельзя считать «частотность лексики серьезным доказательством особенностей менталитета» [Зарецкий 2008: 230]. Ученый приводит результаты сравнительного анализа выбранных семантических групп в частотных словарях разных языков: «Известно, сколь часто русским приписываются особое раболепие, покорность, отсутствие всякого свободолюбия. Но, тем не менее <...> на 500 самых частых лексем-существительных английского, немецкого и русского языков не приходится ни англ. *freedom*, ни англ. *liberty*, ни нем. *Freiheit*, зато в том же списке встречаются и *воля*, и *свобода*. <...> Из этого

российские культурологи могли бы сделать соответствующие выводы о раболепии и нелюбви к свободе немцев и англичан» [Зарецкий 2008: 441].

В-пятых, языковая картина мира, как следует из практики лингвокультурологического анализа, отождествляется с системой культивируемых в данном сообществе концептов, при этом понятие культуры сводится к концептуальному содержанию слов, например, у А.Д.Шмелева [Шмелев 2016]. С такой трактовкой нельзя согласиться в силу того, что культура — это прежде всего система институциональных форм реализации человеческих потребностей — концепты обыденного сознания отражают эту систему в незначительной мере. Исследование отношений между языком и культурой, таким образом, требует комплексного подхода, а именно — учета социологической, антропологической, прагматической, семиотической и лингвистической информации.

Литература

Бунчук Т. *Хоронить по-репному*: к этнолингвистической интерпретации севернорусской фразеологической единицы / Т.Бунчук // Антропологический форум. — 2010, 13 (Online). — С. 183-190.

Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) / Е.В.Зарецкий. — Астрахань: Издательство Астраханского университета, 2008. — 564 с.

Карасик В. Языковые ключи / В.Карасик. — М.: Гнозис, 2009. — 406 с.

Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. — М.: Русский язык. — 320 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э.Сепир. — М.: Прогресс, 1993. — 654 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г.Тер-Минасова. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 350 с.

Kiklewicz A. В каком смысле язык детерминирован культурой? О предмете и границах лингвокультурологии (II) / A.Kiklewicz // Przegląd Rusycystyczny. — 2016, 1 (153). — С.81-109.

Шмелев А.Д. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? / А.Д.Шмелев // <http://www.ruslang.ru/doc/shmelev2013.pdf>. — 2016 [доступ 3/11/2014].

Павлова А.В. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? / А.В.Павлова // Антропологический форум. — 2012, 16 (Online). — С.3-60.